

Братья и сестры Сталина

Чрезвычайно характерный в этом плане образчик коварной двусмыслицы представляет собой его знаменитое выступление от 3 июля 1941 г. — первое с начала войны:

«Товарищи! Граждане!
Братья и сестры!
 Бойцы нашей армии и флота!
 К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Безусловно, человеческий призыв к «братьям и сестрам», столь откровенно выдававший бывшего семинариста и как бы свидетельствующий о его смятении перед лицом страшной угрозы, был очень успешно рассчитан именно на патриотический и на «христианский» эффект³¹, который продолжает и сегодня умилять одряхлевших сталинистов. Однако им стоило бы внимательнее вчитаться в его литургические тирады.

Начнем с того, что показательна уже сама иерархическая градация: сперва «товарищи» (т. е. в первую очередь члены партии, единомышленники), затем прочие «граждане» страны и лишь потом — перед «бойцами» — «братья и сестры». В следующей по счету речи Сталина — от 6 ноября 1941 г. — наличествует только суммарное обращение «товарищи!», но далее говорится: «Наши *братья в захваченных немцами областях* нашей страны стонут под игом немецких угнетателей».

В зачине выступления, прозвучавшего на другой день и обращенного непосредственно к армии, «братья и сестры» снова сдвинуты к концу: сначала «товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники», потом «рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда» (тут строго выдержана официально-классовая субординация: рабочие, за ними крестьяне и, наконец, интеллигентская прослойка), а в заключение: «*Братья и сестры в тылу нашего врага, временно подпавшие под иго немецких разбойников*, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!»

В его приказе от 1 мая 1942 г. установлена еще более ясная последовательность: на первом месте — армия, за ней — «партизаны и партизанки», далее рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, и после нее, уже на самом последнем месте — «*братья и сестры по ту сторону фронта в тылу немецко-фашистских войск, временно подпавшие под иго немецких угнетателей*». А ниже, в основном тексте, сказано: «Мы хотим *освободить наших братьев* украинцев, молдаван, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, карелов от того позора и унижения, которым подвергают их немецко-фашистские мерзавцы».

Словом, «братья и сестры» неизменно проживают под властью немцев, как явствует и из праздничного доклада от 6 ноября 1942 г.:

«Гитлеровские мерзавцы <...> насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер».

Строго иерархический зачин, отодвигающий их в самый конец списка (только с заменой классов обобщенными «трудящимися Советского Союза»), сохранится почти до конца войны, обогатившись, однако, любопытными вариациями. Вводный перечень адресатов в приказе от 1 мая 1944 г. дополняет это заключительное упоминание новой формулировкой: «*Братья и сестры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей и насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!*» Теперь, после изгнания немцев с большей части советской территории, внимание Сталина всецело переключается на перемещенных лиц. Именно так и заканчивается перечень в приказе от 7 ноября 1944 г.: «*Братья и сестры, насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!*» С тех пор христиан-

ский призыв у него навсегда исчезает: отныне «братьями и сестрами» Сталина вплотную займутся «Смерш» и НКВД. Но зато из вражеского стана откликнется другой бывший семинарист — генерал Власов. Манифест Комитета освобождения народов России, обнародованный им в Праге 14 ноября 1944 г., предварялся обращением: «Соотечественники! Братья и сестры!»³².

Если не ошибаюсь, впервые этот притягательный термин встречается у Сталина в начале 1929 г., в послании к рабочим и работницам «Красного треугольника»: «В капиталистических странах ваши братья и сестры работают по 10—12—14 часов». Вообще же в советской пропаганде слова «братья» или «братья и сестры» всегда резервировались за иностранными подданными, еще не познавшими социалистической благодати, реже — за отсталыми нацменами и за иностранными компартиями, которые так и назывались «братскими»: то был их официальный титул, восходящий к христианской риторике социал-демократов и русских народолюбцев. В конце 1918 г. (в записке А. Мясникову и М. Кальмановичу) Сталин просит ЦК и Ленина принять белорусов «как младших братьев, может быть, еще неопытных, но готовых отдать свою жизнь партийной и советской работе»³³. В 1923 г., в тезисах к XII съезду РКП, он потребовал перевоспитать советский аппарат в духе «братского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей», а в 1925 г. высказал пожелание, «чтобы коммунист научился относиться к беспартийному, как брат к брату». В этом обозначении всегда таился привкус некоторой неполноценности и ненадежности, который просквозил, например, в его речи на VII пленуме ИККИ (1926), когда он призвал германскую «братскую партию», также повинную в идеологических шатаниях, «помочь своим заблудившимся братьям выйти на дорогу». (А всего за три месяца до войны, в марте 1941 г., Сталин, по свидетельству немецкого полковника Кребса, величал «братьями» гитлеровцев.) В 1939 г. термин «братья и сестры» адресовался «освобождаемому» населению Западной Украины и Западной Белоруссии, подвергнутому вскоре глобальным репрессиям. Но эта акция подключалась к более широкому понятию — «братская помощь». Братскими назывались союзные республики, а также «младшие» (вроде тех же белорусов) и чем-то подозрительные советские или славянские народы — так, в ноябре 1944 года, принимая варшавскую делегацию, Сталин упомянул о «братских чувствах польского народа к народам Советского Союза» (это было спустя несколько лет после Катюны и через несколько недель после того, как он радостно отдал восставшим варшавским «братьев» на съедение немцам). Есть у него, кстати, симптоматическое выражение — «*братья по измене рабочему классу*» (1924). Да и вообще, обозначения семейного родства, как и нормальных человеческих чувств, обычно примыкают у Сталина к негативному семантическому полю. «У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса», — наставительно заявил он в 1929 году затравленному Бухарину, который напомнил ему было о старой дружбе.

Если после всего сказанного принять во внимание, что ту самую первую свою военную речь от 3 июля 1941 г., где Сталин впервые воззвал к «братьям и сестрам», он открыл сообщением об обширных немецких захватах, то станет ясно: обращение это изначально адресовалось тем, кто уже не был для него ни «товарищем», ни «гражданином», а заведомо подозревался в нелояльности или коллаборационизме³⁴. (Тем более нельзя было их причислить к рабочим и прочим «трудящимся», поскольку трудились они теперь на немцев.) Жесткая и многолетняя послевоенная сегрегация всяческих «лиц, проживавших на оккупированной территории», лишь подтверждает эти выводы насчет его христианского братолюбия, символической иллюстрацией к которому может служить сталинская надпись на книге, подаренной Кирову, — «Другу моему и брату любимому от автора».

Это был охотничий зов Каина.